
ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-8-35
УДК 821.161.1

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: «...или в Россию, или в Париж...» 1923 г.*

© 2019, Е.Р. Обатнина

Аннотация: Статья представляет собой фрагмент жизнеописания А.М. Ремизова, посвященный времени, проведенному писателем в Берлине перед отъездом в Париж. С опорой на редкие архивные документы и мемуарные свидетельства современников, относящиеся к 1923 г., создается целостная картина жизни и творчества писателя в один из поворотных моментов его жизни. Статья образует историко-литературный контекст к содержанию главы из рукописи Ремизова «На вечерней заре»: 1923 г.

Ключевые слова: творческая биография, эпистолярное наследие, архивные материалы, эмигрантская культура и литература.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Цитирование: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: «...или в Россию, или в Париж...» 1923 г. // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 8–35. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-8-35

* Статья выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

В конце сентября 1923 г. минуло два года с тех пор, как Ремизовы оказались в столице Германии. Инфляция стремительно приобретала фантазмагорические очертания. Летом наступила настоящая агония Веймарской экономики. Буквально за четыре месяца, начиная с августа, денежная масса увеличилась в 132 000 раз, уровень цен — в 854 000 раз, курс доллара — почти в 400 000. Берлин быстро терял облик благополучного города, гостеприимно принимавшего русскую диаспору. Еще год назад Ремизов в условиях нарастающего экономического кризиса предпринял шаги к отъезду из Германии, рассматривая возможность временной передышки в Праге. Между тем денег на отъезд из Берлина куда бы то ни было решительно не доставало. Опять пришлось вспомнить о хорошо освоенном с приходом советской власти в России жанре «прошений», адресованных в различные инстанции и лично общественным, политическим и культурным деятелям. Надеясь на вспомоществование, Ремизов всегда старался придать официальному документу черты своей индивидуальности. Так и на этот раз заявление «В комитет оказания помощи писателям, живущим в Чехо-словакии» он написал писцовой скорописью XVII в., очевидно, рассчитывая на то, что в ряду других заявлений такого рода каллиграфический кунштюк будет замечен. Документ содержал краткие биографические данные, мотивы и цели обращения:

Не имея под рукой анкетного листа, сообщаю о себе сведения общего характера и обязуюсь дополнить их по первому требованию комитета.

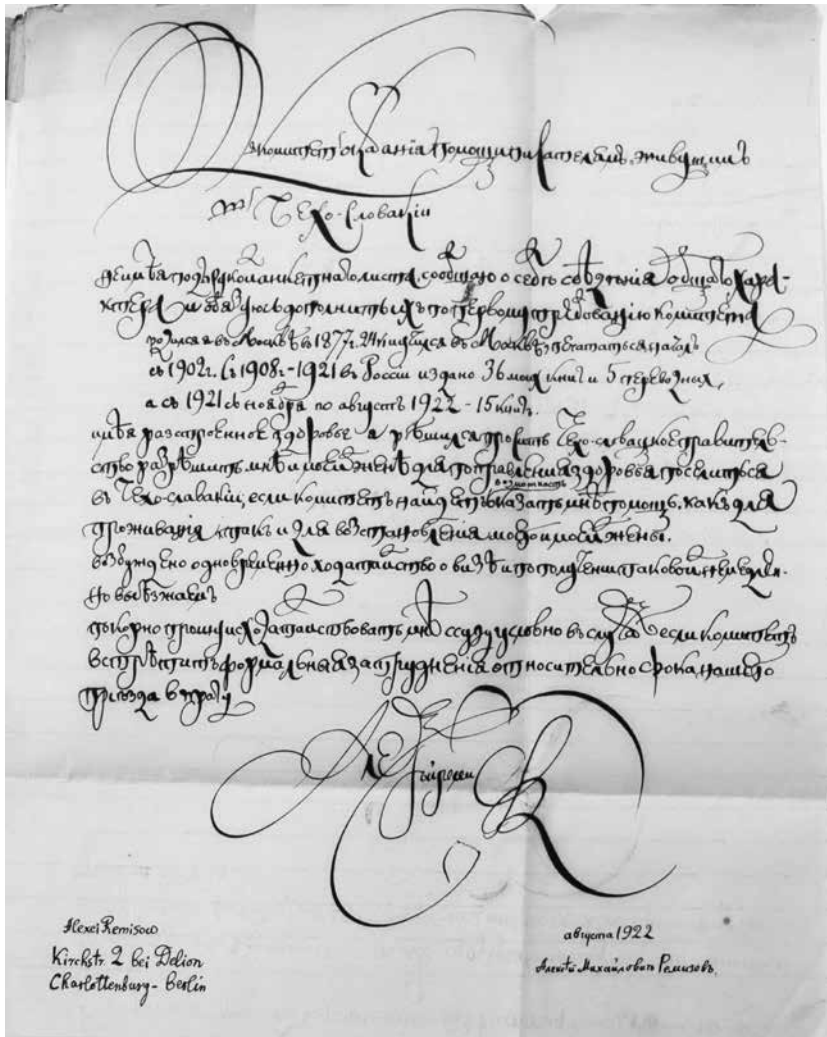
Родился я в Москве в 1877 г. 24 VI и учился в Москве, печататься начал с 1902 г. С 1908 г. — 1921 в России издано 36 моих книг и 5 переводных, а с 1921 с ноября по август 1922 — 15 книг.

Имея расстроенное здоровье, я решил запросить Чехо-словацкое правительство разрешить мне и моей жене для поправления здоровья поселиться в Чехо-словакии, если комитет найдет возможность оказать мне помощь, как для проживания, так и для восстановления моего и моей жены.

Возбуждено одновременно ходатайство о визе и по получении таковой немедленно выезжаем.

Покорно прошу исходатайствовать мне ссуду условно в случае, если комитет встретит формальные затруднения относительно срока нашего приезда в Прагу¹.

¹ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 1. F. 7. P. 45. Далее: Amherst, с указанием шифра. Датируя заявление, Ремизов оставил пустое место для числа, написав только месяц и год — «августа 1922».

Ремизов А.М. Заявление «В комитет оказания помощи писателям, живущим в Чехо-словакии». 1922, август. Amherst.

«Прошение» так и осталось среди личных бумаг писателя и, судя по его переписке с пражанами М.Л. Слонимом и Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой, ни в 1922 г., ни в наступившем 1923 г. не было пущено в ход. Финансовые обстоятельства осложнились проблемами физического здоровья. Недолго продлился оптимизм весеннего настроения, когда казалось, что позади остались оцепенение от картин разрушения нормаль-

ной жизни в Петрограде, психологическое истощение, изматывающие мигрени, которыми Ремизов страдал на протяжении двух последних лет жизни в постреволюционной России². С осени 1922 г. он опять часто недомогал и был подавлен депрессией, возникшей вследствие стремительно падавших возможностей заработать на существование изданиями и публикациями. Неожиданный удар судьба нанесла 13 ноября, когда хозяйка квартиры, чутко реагирующая на изменения политики городской администрации по отношению к иностранцам, внезапно заявила о прекращении аренды.

Рождество и Новый год Ремизовы встретили на чемоданах. «Горькая у нас сегодня елка — и елки нет. Складываю свои игрушки³ и книги, ч<то>б<ы> куда-то после праздников выбираться, а еще ничего нет»⁴, — писал Ремизов накануне Рождества «ключарю» Обезвельволпала С.Я. Осипову. И действительно, в связи с ужесточением правил съема и чрезвычайно высоким налогом на жилые помещения для иностранных граждан квартирная аренда представляла собой почти неразрешимую задачу⁵.

Серьезные трудности возникали одна за другой. В декабре пришло первое уведомление из берлинского Полицайпрезидиума о рекомендации иностранцам выехать из столицы. Через месяц (23 января) Ремизовы получили повторное письмо, в котором содержалось уже категорическое предписание в двухнедельный срок покинуть «Гросс-Берлин». Казалось, жизнь ходит по кругу, напоминая, как, к примеру, в 1906 г. внезапно

² Ср. автобиографию Ремизова: «В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский мучился, вынужден был временно уехать из России» (Россия. 1923. № 6. С. 27).

³ Знаменитая коллекция игрушек и природных диковинок, сопровождавшая каждую квартиру Ремизова от Петербурга до Парижа. См.: *Кожевников П.* Коллекция А.М. Ремизова. (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. № 243, 7 сент. С. 2; *А. [А.А. Измайлов].* В волшебном царстве. А.М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10–11. Об обстановке петербургской квартиры на Васильевском острове см.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарий. М., 1987. С. 24–25; описание последней квартиры на Троицкой см.: *Милашевский В.А.* Вчера, позавчера... М., 1989. С. 156–157. См. также: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (аСтатья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215. Описание берлинской квартиры Ремизовых запечатлено в книге Р. Гуля «Жизнь на фукса» (М.; Л., 1927): «На Кирхштрассе завесил комнату чертями, бумажными прыгунчиками, игрушками Алексей Ремизов, пугая немецкую хозяйку, сидел в драдедамовом платке с висюльками» (С. 203).

⁴ Цит по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 254 (п. от 22 декабря).

⁵ Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция. М., 2006. С. 388–389.

Ремизов А.М. Рис. из альбома
«За спекуляцию». 1924.
Письмо из Полицайпрезидиума
от 23 января 1923 г.
Коллекция Т. Уитни (Amherst).
Копия в РО ИРЛИ.

закончилось издание журнала «Вопросы жизни» и Ремизову было отказано не только в едва ли завидной должности заведующего хозяйственной частью при редакции, но и в служебной квартире. Очевидно, вспоминая этот эпизод и еще аналогичные по сути обстоятельства петербургской жизни конца 1900-х гг., он горько констатировал в одном из писем: «Жизнь у нас — нам знакомая. И второй раз переживать тяжело»⁶.

Только десять лет спустя Ремизов посвятил «бедственному времени» своей биографии 1923 г. документально-графический альбом, составленный из рисунков и копий официальных документов, порожденных безвыходной, как казалось, ситуацией. Столкнувшись с непроницаемой бюрократической системой Веймарской республики, он навсегда запомнил «стилистически неподражаемую формулировку полицейского распоряжения»: “...ich stelle Ihnen anheim, sich innerhalb dieser Frist ausserhalb Gross-Berlin eine Unterkunft zu beschaffen”⁷ («Я Вам предписываю найти себе помещение вне Большого Берлина в течение этого срока»)⁸. Причина репрессивных мер, коснувшихся русских эмигрантов, по догадкам, крылась в подозрениях, связанных со спекулятивными валютными опера-

циями иностранцев⁹. Ремизов, пытаясь найти хоть малейший повод для обвинений в свой адрес, недоумевал: «Какой же я спекулянт?» Оставалось искать защиты среди немецких политиков и литераторов. Тут

⁶ Цит. по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 252 (п. от 8 декабря).

⁷ Цит. по копии текста Ремизова из альбома 1934 г. «За спекуляцию» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 211. Л. 1); оригинал хранится в коллекции Т. Уитни (Amherst).

⁸ Ремизовский перевод в романе «Мышкина дудочка» (Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 138).

⁹ С конца сентября в Берлине активизировались комитеты рабочих, служащих, чиновников и домохозяек, призывавшие горожан выйти на демонстрации «против ростовщичества и спекуляции». Подобная листовка была послана Ремизовым Шестову в недатированном письме (Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 1. С. 177).

пригодилось знакомство с редактором берлинского журнала “Die Neue Rundschau” Рудольфом Кайзером¹⁰ и знаменитым немецким романистом, пропагандистом русской культуры в Германии Томасом Манном¹¹. Когда влиятельные заступники написали ходатайства, оригиналы их писем были направлены в полицейское управление, а рукописные копии этих ценных документов вместе с графическими иллюстрациями в 1934 г. украсили альбом, получивший название «За спекуляцию». В контексте назревавшего выбора между эмиграцией и возвращением на родину Ремизову было важно, что в письме Томаса Манна о нем говорилось как о видном представителе современной русской литературы, а не как об эмигранте, порвавшем связи с советской Россией. Манн сочувственно писал, начав с обращения “Sehr verehrter Herr Remisow”. Судя по всему, первым переводчиком раритетного письма стала Августа Даманская¹². Ее черновой подстрочник сохранился в парижском архиве писателя:

Высокоуважаемый господин Ремизов

Я узнаю, что русские в Берлине испытывают теперь со стороны администрации некоторые затруднения по праву местожительства. Я убежден, что во всяком случае перед Вашим именем должны остановиться, но в то же время мне хочется Вам сказать, как мне было бы больно, если бы с Вами в Германии случилось что-то неприятное. По моему мнению, Берлин должен гордиться иметь Вас, одного из первых писателей современной России, в своих стенах. Я с удовольствием вспоминаю встречу с Вами в прошлом году. Мне было в высшей степени приятно и важно познакомиться с Вами лично.

С совершенным почтением и с сердечным приветом Вашим соотечественникам, с которыми я тогда познакомился (А. Белый и Б. Пильняк).

Весьма преданный

Томас Манн¹³.

¹⁰ О ходатайственном письме Р. Кайзера в правительство Висбадена Конраду Генишу и министру Карлу Северингу см.: *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комментар. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Уропиной // *Литературный факт.* 2018. № 8. С. 29–30. Оригинал письма Кайзера см.: ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 932; рукописную копию Ремизов поместил в альбом «За спекуляцию» (коллекция Т. Уитни, Amherst).

¹¹ Личная встреча писателей относится к марту 1922 г., когда Манн посетил Берлин и, в частности, участвовал в вечере, устроенном в Доме искусств 20 марта в пользу петроградских писателей. Подробнее см.: *Азадовский К.М., Лавров А.В.* Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями // *Русская литература.* 1978. № 4. С. 146–151.

¹² Писательница и переводчик А.Ф. Даманская одной из первых среди русских берлинцев написала Ремизовым в Ревель 8 сентября 1921 г., выразив готовность оказать помощь при переезде супругов в Германию (Anherst. Series 1. V. 1. F. 1. P. 35–36).

¹³ ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 622. Л. 2. Ср. описание ситуации в воспоминаниях А.Ф. Даманской, где приводится отредактированный перевод письма: *Даманская А.* На экране моей памяти; *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов

Thomas Mann

*Т. Манн. Фото. Вырезка из газеты
в архиве А. Ремизова. 1922–1923.
ОРФ ГЛМ.*

Две взаимосвязанные проблемы — жилья и вида на жительство — оставались неразрешенными до весны. В это время Ремизовым, по-видимому, удалось уговорить хозяйку пансиона фрау Делион позволить им переместиться из отдельной квартиры в комнату, которая сдавалась здесь же, на Кирхештрассе, 2. Д.А. Лутохин, высланный из России в феврале 1923 г., навестил их 16 марта, оставив в своем дневнике ценную запись, свидетельствующую о том, что внешне писатель старался не терять присутствия духа:

...отправился к Ремизовым. Он — в кофте, совсем такой, каким изобразил его в портретах Анненков¹⁴, она — пышная, моложавая, но по-прежнему бездетная. Я их не видал с 1906 г.¹⁵ Они смутно меня помнят, а теперь читали обо мне в Ревельск<ой> газете¹⁶. Напоили меня

превосходным чаем с замечательными сухарями, но видимо нуждаются. Пришел еще какой-то подозрит<ельный> юноша, литовск<ий> подданный <2 сл. нрзб.>, судя по его рассказам (что-то издавал вместе со Шкловским), но почему-то смахивает на “товарища”¹⁷. Сер<афима> Пав<ловна> за ним ухаживала, а Ал<ексей> Мих<айлови>ч принес какую-то рукоп<исную> церк<овную> книгу XVII <века> с картинками. А<лексей> М<ихайлович> просил достать ему через знакомых в Питере некоторые издания его книг. Он такой же милый, какой был 17 лет назад, такой же чудак, но тогда я его как-то чувствовал, теперь

в годы бедствий / Публ. О.Р. Демидовой. СПб., 2006. С. 178. Только в 1952 г. писатель внес этот сюжет в канву автобиографического романа «Мышкина дудочка», опубликовав как оригинал письма Манна на немецком языке, так и приведенный выше перевод (см.: *Ремизов А.М. Собр. соч.* Т. 10. С. 138–140).

¹⁴ Речь идет о графическом портрете Ремизова, сделанном в 1920 г. См.: *Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий.* Т. 1. М., 1991. С. 219–220.

¹⁵ К моменту первой встречи в гостях у В.В. Розанова в 1906 г. маленькая дочь Ремизовых была уже в Берестовце, так что Лутохин ошибочно считал их бездетными.

¹⁶ Очевидно, подразумевается ревельская газета «Последние известия», в которой размещались сообщения об известных представителях выходявших (1920–1925), в которой размещались сообщения об известных представителях русской интеллигенции, обычно следовавших в эмиграцию через Эстонию.

¹⁷ Имеется в виду сосед Ремизовых по пансиону — скульптор-авангардист К. Зале. См. о нем: *Литературный факт.* 2018. № 7. С. 68.

он — чужой. И совсем не ясно, чем жив он кроме любви к раритетам, юродству. Русский *Пишбышевский*¹⁸, трезвый и семейственный¹⁹.

К католической Пасхе удалось поправить жилищные условия и, наконец, переехать из Шарлоттенбурга в берлинский район, расположенный между Тиргартеном и Альт Моабитом, на Лессингштрассе, 16.

После почти полугодового перерыва Ремизов написал в Париж Льву Шестову, немногословно рассказав об обстоятельствах своей жизни:

С комнатами устроились. Холодновато, правда. А цена (безо всего) 3.000.000 М<арок>. В следующ<ем> мес<яце> можно ожидать и прибавки. Но ничего поделать невозможно: надо ж куда приткнуться хоть ВРЕМЕННО. А то с 13 ноября²⁰ была какая-то сплошная мука. И делать ведь ничего не делаешь и за что-то ГОНЕНИЯ терпишь. А 1 апреля мы и загнездились. <...> мало я выходил за эти месяцы на люди: и хворал и тяжело было «жаловаться» людям²¹.

Новая квартира располагалась на втором этаже, над аптекой. С наступлением тепла, когда распахнулись окна одной из комнат, соседские дети смогли разглядеть с улицы знаменитую коллекцию игрушек и тотемов, развешенных на протянутых через всю комнату нитях. С этого времени Herr Remersdorf, как его здесь прозвали, стал местной знаменитостью. По всей вероятности, тогда же появилась в его доме молодая русская художница Евгения Ланг, которая уже на склоне лет рассказала о берлинских встречах с писателем в 1923 г. И хотя гостью, не понаслышке знакомую с эксцентрическим стилем поведения таких соотечественников-авангардистов, как Д. Бурлюк и В. Маяковский, трудно было удивить артистическими эскападами, в ее памяти осталось крайне неприязненное впечатление от обстановки ремизовского жилья и неуместных чудачеств писателя. Даже знаменитая коллекция «игрушек», завораживавшая местную детвору, оскорбила эстетические чувства художницы, увидевшей вместо чудесного мира мифологических образов лишь скопление бессмысленного и антисанитарного хлама. О первом и наверняка последнем визите на Лессингштрассе Ланг вспоминала:

¹⁸ В начале 1900-х гг. Ремизов был увлечен творчеством и драматургией польского писателя-модерниста Станислава Феликса Пишбышевского (1868–1927); вместе с С.П. Ремизовой он перевел пьесу «Снег» (М.: Театральная библиотека М.А. Соколовой, 1903), а также драмы «Счастье» и «Мать» (*Пишбышевский С. Собр. соч.* Т. 4. М., 1905. С. 93–210).

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 592. № 3. Л. 17 об.

²⁰ Подразумевается первое письмо из Полицайпрезидиума.

²¹ Цит. по: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 115.

И вот мы входим, и я сразу чуть не падаю. Оказывается, между двумя стульями нитка натянута, и я на нее спотыкаюсь²². Вся комната в нитках перегороджена. А на нитках там висели какие-то дохлые мыши, какие-то насекомые, всякая, черт знает какая, пакость на этих нитках висела. Я говорю: «Это что же такое?» — «А это заклинания против злых духов». Я говорю: «Это вонь, а не заклинание против злых духов»²³.

Буквально на той же неделе, после переезда на Лессингштрассе, на основании письменных ходатайств влиятельных политиков и литераторов в Полицайпрезидиуме выдали наконец долгожданный паспорт с новым штампом. Каково же было огорчение, когда при получении вида на жительство 3 апреля выяснилось, что срок пребывания в Берлине продлен Ремизовым лишь до 3 мая²⁴. Таким методом власти города обязывали писателя являться для подтверждения следующего срока с периодичностью «месяц — через три», о чем свидетельствуют штампы в его паспорте с датировками за 1923 г.: 3 апреля²⁵, 5 мая, 4 августа, 22 сентября, 21 декабря²⁶. Не трудно предположить, что визиты в Полицайпрезидиум превращались в тяжелое испытание. Обстоятельства получения каждого штампа в немецком удостоверении личности представляли собой для Ремизова запечатленные сюжеты берлинской жизни. К примеру, о штампе, датированном 5 мая, ему напоминали открытки с видами весеннего Вердера — городка под Берлином, в котором гостила в это время Серафима Павловна. «Всё

²² О такой «школярской» по стилистике «шутке» Ремизова вспоминала, со слов Ю. Софиева, и другая мемуаристка, которая считала, что многие проделки совершались Ремизовым для развлечения часто болевшей супруги: «Софиев рассказывал мне, что раз, чтобы повеселить простуженную и лежащую в постели Серафиму Павлову, Ремизов в ожидании вызванного доктора протянул веревочку поперек коридора, ведущего в спальню. Доктор споткнулся и полетел. Видя это через открытую дверь, больная залилась смехом, обрадовав Алексея Михайловича» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 124).

²³ *Дувакин В.Д.* Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / Подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М., 2018. С. 158–159.

²⁴ О своем положении Ремизов сообщал в письмах петроградским и московским корреспондентам. Практически сразу, в февральском номере журнала «Россия» появилась заметка: «В настоящее время Ремизов находится в очень тяжелом положении, т.к. он один из первых попал в список выселяемых из Берлина за его крайним переполнением иностранцев <sic!>. Заступничество Томаса Манна и целого ряда берлинских изданий, в которых он работает, привело лишь к отсрочке этой высылки на один месяц» (Россия. 1923. № 8. С. 31).

²⁵ Первый штамп за 1923 г. помечен 4 января. Период с 4 января по 3 апреля включал ожидание решений Полиции по приостановке приказа о срочном выезде из Берлина.

²⁶ Оригинал паспорта: ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 932 (см. воспроизведение: Литературный факт. 2018. № 8. С. 11).

в вишневом цвету», — вспоминал Ремизов, переписывая в 1948 г. свои письма к жене для будущего эпистолярного романа «На вечерней заре», по всей очевидности, символически связывая весеннее обновление природы с избавлением от многочисленных угроз начала 1923 г. В «Мышкиной дудочке» о завершении берлинского «безвременья», пережитого в ожидании продления вида на жительство, читаем:

Потребовалось личное вмешательство прусского министра внутренних дел Северинга. И только когда зацвела в Вердере вишня, нам снова выдали по удостоверению Северинга желтый «персональаусвейс» — правожителство на три месяца²⁷.

Ремизов А.М. Надпись на конверте с подборкой документов 1922–1923 гг. ОРФ ГЛМ.

Следующий штамп появился в паспорте, соответственно, 4 августа. Благодаря не слишком симпатизировавшей Ремизову художнице Ланг коллекцию анекдотов, живописующих поведенческие девиации писателя²⁸, дополнила история о том, как, по нашим предположениям, в этот день либо позже — 22 сентября Ремизов, явившись строго по расписанию в Берлинский Отдел паспортов, разыграл сцену, архетипически близкую к традиции шутовства и юродства. Евгения Ланг, сопровождавшая плохо объяснявшегося на немецком языке писателя, даже полвека спустя не смогла забыть испытанного ею позора,

когда сначала она увидела ужас в глазах паспортиста, а потом и сама разглядела, что, по-видимому, обложку аусвайса (а не сам паспорт, как

²⁷ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10. С. 140.

²⁸ Ср. такой набор по большей части выдуманных историй в воспоминаниях дочери М.О. Гершензона: «За границей он держался чудачком (налет наигранной “юродивости” был вообще ему свойствен), так что в берлинской писательской среде о нем ходили анекдоты. Не зная ни одного иностранного языка, он, по-видимому, бравировал этим, допуская в адрес немцев эпатирующие выходки. Так, рассказывали, что однажды он явился в магазин покупать галстук и будучи уверенным, что русское название этого предмета происходит от немецкого Hals Tuch, просил дать себе таковой. Продавец не мог его понять. Ремизов знаком пояснил, что ему надо. Поняв, продавец воскликнул: “Kravatte!” “Нет, — ответил Ремизов, — не нужна мне кровать, я пришел покупать галстук”. Находясь в Лондоне и желая купить апельсины, он требовал “апельсейшен” и т.п.» (М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой / Публ. М. Чегодаевой // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 250).

запомнилось рассказице) Ремизов разрисовал «обезьянами» — надо полагать, в символике Обезьяньей Великой и Вольной палаты. Воображая рассказанную Ланг сцену, мы можем догадаться, что вопрос изумленного чиновника, обращенный к русскому господину (“*Wer sind Sie?*” — «Кто Вы?»), в сущности, уже не подразумевал ответа, но посетитель отрекомендовался без ложной скромности: “*Ich bin Affen König*” — «Я обезьяний царь»²⁹.

Мы не знаем, шутовством или отчаяньем был продиктован такой «сюрприз» для паспортных служб, вынуждавших писателя-иностранца к постоянным визитам в Полицийпрезидиум: ведь каждый раз, подходя к окошку паспортиста, он не был уверен, что срок его пребывания в Берлине продлят хотя бы временно. Возможно, при подготовке к очередному походу за разрешением на жительство в голове Ремизова и пронеслись мысли, *post factum* воспроизведенные им значительно позже: «...казалось, пусть бы зеленый щуцман сразу всё кончил и пусть Моабит (тюрьма), я не знаю, куда еще, только б освободиться»³⁰. Но вероятнее всего, не подавшись посещавшим его в то время паническим настроениям, он решил развеселить сердце делопроизводителя и предъявить «обезьянье свидетельство» — единственно подлинный документ, удостоверяющий личность и права членов Обезвельволпала, о котором он напишет уже под впечатлением всех паспортных мытарств, не закончившихся и в последние годы эмиграции³¹:

«Обезьянье свидетельство заменяет визы во все государства и дает бесконтрольный пропуск в леса, в поля, в болота и прочие трущобы всего земного шара. <...> кавал. обеззн. имеет неограниченные права переходить, переезжать и перелетать все границы и через любые заставы, поставленные “свободолюбивыми” человеческими ячейками, и не связан никакими обязательствами и клятвами и никому ничего

²⁹ См.: Дувакин В.Д. Беседы с Евгенией Ланг. С. 157–158.

³⁰ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10. С. 140. Щуцман (*нем.* Schutzmann) — полицейский Веймарской республики.

³¹ Ср. запись Н.В. Кодрянской о походе Ремизова в парижскую префектуру, по всей вероятности, накануне войны: «Вспоминаю, как Алексей Михайлович ходил в префектуру подавать кардидентите <удостоверение личности. — *Е.О.*>. В то время в префектуре приходилось простаивать в очередях часами, иногда и по два. Когда Алексей Михайлович собирался идти, было очень холодно, и он оделся не совсем обычно: поверх пальто закутался в красную женскую шаль, перевязав ее на груди, как это делают бабы, крест на крест; на голову надел еще вывезенную из России странной формы высокую суконную шапку, опушенную мехом. сгорбленный, маленький, в очках, с лохматыми, торчащими вверх бровями, в невероятно больших калошах, зашагал в префектуру. В руках нес прошение на гербовой бумаге, расписанное им самим и разукрашенное разными заставками и закорючками...» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 15–16).

не должен — волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост»³².

Рисунки пришлось выводить специальными средствами, паспорт всё же продлили, но теперь и сам писатель понимал, что из Германии его вытесняют не местные власти, а полное отсутствие перспектив на жизнь и работу. Так, очевидно, намного быстрее, чем этого хотелось бы Ремизову, проблема отъезда из Берлина поставила его перед решением главной дилеммы, объективировать которую он медлил с момента появления в «Известиях ВЦИК» заметки о том, что писатель намеревается вернуться в Петроград³³. Однако теперь покинуть Берлин не означало вернуться в Россию. На другой чаше весов возникло альтернативное решение — продолжить путь на Запад. Переезд в Прагу больше не обсуждался, оставался Париж, куда постепенно, спасаясь от нищеты, стали стекаться русские берлинцы.

Возможности найти источник заработка с разорением многих издательств ограничивались надеждами на единичные гонорары за публикацию переводов его произведений, а о новых книгах не приходилось и мечтать. Бытовые заботы всё больше замещали литературный труд, и Ремизов всё чаще называл себя бабкой Анисьей, ассоциируясь с нянькой Серафимы Павловны, которая ходила за ней, когда та была ребенком. Вот и вырвалось в письме Серафиме Павловне в Вердер 8 апреля: «Не может нянька больше своих книжков издавать, это ее беспокоит даже и на Пасху»³⁴. Из несостоявшихся изданий 1923 г. навсегда остались неосуществленными книги «Баранки» и «Бык-Корова», объединявшие рассказы о тюремном заключении и политической ссылке 1896–1903 гг.³⁵

В 1923 г. вышли в свет книги, отданные в производство в 1922 г., в основном издания З.И. Гржебина, представлявшие собой новые («шарлоттенбургские») редакции произведений и сборников, — повесть «Крестовые сестры», «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым», «Русалия». Все книги были оформлены Н.В. Зарецким, тесное

³² Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 224. Впервые: *Ремизов А.* Рожь: Из книги «Взвихренная Русь» (1919–1920) // Перезвоны. 1925. № 3. С. 64–65.

³³ «В письмах, полученных из Берлина в Петрограде от Алексея Ремизова, последний сообщает, что весной собирается вернуться в Петроград» (Известия ВЦИК Советов. 1922. № 40, 19 февр. С. 3).

³⁴ См. в публ. (с. 38, 74 наст. изд.). Пасха по православному календарю в 1923 г. пришлась на 8 апреля.

³⁵ Упоминания об этом см. в автобиографии Ремизова 1923 г., подготовленной для журнала «Новая русская книга» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris, [1983]. С. 185–186; далее: Русский Берлин, с указанием страниц). Здесь же писатель привел еще свыше десяти запланированных им книг.

дружеское общение с которым сохранится на долгие годы³⁶. Как видно из переписки и фрагментов воспоминаний, в 1922–1923 гг. писатель более охотно контактировал с художниками, нежели с литераторами. Объяснение этому предпочтению, на наш взгляд, крылось в причастности его окружения к авангардизму как направлению, обращенному к новым средствам выразительности и формотворчеству. Несомненное притяжение к Ремизову творческих людей нового времени подтверждается его контактами берлинского периода с такими представителями «левого» искусства, как живописцы И. Пуни и К. Богуславская, литовские скульпторы К. Зале и А. Дзеркал, пропагандист русского авангарда, впоследствии известный художник Л. Лозовик, формалист В. Шкловский,

Обложка работы Н.В. Зарецкого.

теоретик кинематографического искусства А. Бакши, музыкант В. Парнах. Эта часть творческой интеллигенции в наименьшей степени была озадачена вопросами внутрицеховых группировок по политическим мотивам. С ними Ремизов чувствовал себя таким же художником, работающим над новой формой выражения своей темы. Молодой поэт Вадим Андреев познакомился с Ремизовым именно в такой компании:

В Берлине А.М. Ремизова я в первый раз увидел и услышал в ателье художника Н. Зарецкого, где изредка устраивались литературные вечера. Здесь

³⁶ См. новейшее дополнение к биографии художника с библиографией литературы о нем: Поляков Ф. Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 236–265.

³⁷ В 1923 г. текст романа еще формировался под заголовком «Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова» и публиковался в журнале «Эпопея» (М.; Берлин).

Под занавес деятельности издательства Гржебина в Берлине вышла полная редакция воспоминаний Ремизова, написанных на основе личных дневников и подлинных писем В.В. Розанова, — «Кукха. Розановы письма». Книга имела авантюрную историю создания, связанную с пропавшей и находкой рукописи, так что подготовка ее к печати была своего рода победой над превратностями судьбы, пережитыми в первые два года эмиграции³⁸. Однако подлинный смысл издания «Кукхи» состоял не столько в завершении авторского замысла, родившегося еще в России, сразу после трагической смерти философа, сколько в манифестации осознанного автобиографизма и интерсубъективности личного творчества. Экспериментальность повествовательной формы, созданной на основе монтажа подлинных, как сейчас сказали бы, «эго-документов», и провокационность содержания, раздвигающего границы интимности и репрезентации авторского «Я», — две причины, на основании которых Ремизов сближался с авангардистами, неожиданно претендуя сменить признанный статус традиционалиста на кредо новатора³⁹.

Возможно, если бы «Кукха» была опубликована в России, писатель воспринял бы этот факт как предоставление свободы творчества, и вопрос о его возвращении на родину решился бы без мучительных раздумий. В 1922 г. Ремизов был обнадежен изданием этой книги в московской кооперативной артели писателей «Круг», однако в конце марта 1923 г. рукопись без объяснений была отклонена. Прошло два месяца, и так же рухнула надежда на издание полного текста романа «Канавы» (другое название «Ров львиный»)⁴⁰. Б. Пильняку, принесшему роман в редакционный портфель «Круга», пришлось признать, что артель в 1923 г. оказалась под партийным идеологическим контролем. Эти перемены издательской политики, исходящие от одного из членов редакции — А.Я. Аросева, вынудили и самого Пильняка выйти из состава объединения. 13 мая он писал Ремизову в подавленном настроении: «...Ров львиный *запретила* цензура, и он в “Круге” не появится»⁴¹.

³⁸ Подробнее см.: *Обатнина Е.* Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 231–319.

³⁹ Ср. высказывание Ремизова о другой его книге «Россия в письменах», также построенной на подлинных документах русской бытовой культуры: «...это не историческое ученое сочинение, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века» (Русский Берлин. С. 178).

⁴⁰ Подробнее см. в статье: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // *Литературный архив советской эпохи: Сб. статей и публ. / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).* СПб., 2018. С. 41–42.

⁴¹ *Пильняк Б.А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010. С. 30.

Все эти поначалу перспективные издательские планы проходили на фоне достаточно продуманной тактики Ремизова по подготовке своего возвращения в лоно отечественной литературы⁴². Желание вернуться на родную почву и вместе с тем сохранить status quo писателя прежней формации — вне социалистической идеологии и политики — прочитывается в желании Ремизова осуществить публикацию собственного жизнеописания в советском издании. Первоначально предполагалась публикация для журнала «Паруса» (под ред. В. Лидина), идеей которого было объединение русских писателей, оказавшихся по разные стороны государственной границы. Однако это проект периодической печати выдержал лишь один номер, и ремизовская автобиография при посредничестве того же Лидина увидела свет под названием «Алексей Ремизов о себе» в февральском номере журнала И. Лежнева «Россия» за 1923 г.⁴³ Оценил ли писатель, что неожиданно-негаданно угодил в сменевховскую «ловушку», история умалчивает. Однако, без всякого сомнения, он понимал, что ожидавший его в России Всероссийский союз писателей практически утратил свойства того «братства», которое создавалось в условиях выживания 1917–1921 гг. при советской власти, несмотря на прежние разногласия реакционеров, либералов и демократов. Теперь в литературной среде новой России так же, как и во всех сферах жизни, установилась гегемония пролетариата, требовавшая абсолютного признания «свершений» Октябрьского переворота.

На первый взгляд Ремизов отвечает ожидаемой установке, когда в описании ключевых событий жизни и творчества включает патетический пассаж, посвященный 1917 г. Однако вместо гимна конкретной революции в отдельно взятой стране он предлагает философское осмысление идеи революционного бунта, соединившей утопическую мечту о рае на земле и беспощадность катаклизма, разрушающего старое и порождающего новое, не щадя человека. Эта часть репрезентации отношения к историческому слову 1917 г. уже прозвучала в опубликованной главе «Временника Алексея Ремизова»⁴⁴. В автобиографии писатель значительно нивелировал тему жестокости революционного суда. В первый и последний раз из-под его пера появятся слова начальной строки:

⁴² О контактах Ремизова с советскими издательствами, сотрудничестве и планах см. подробнее: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова. С. 11–47.

⁴³ Повторно автобиография без изменений в тексте (дополненная фотографией писателя и двумя публикациями его произведений — фрагментом из романа «Ров львиный» и сказки «Ё») опубликована в сборнике под редакцией Вл. Лидина: *Литературная Россия: Сб. современной русской прозы. М.: Новые вехи, 1924. [Вып.]. 1. С. 27–33.* Сборник появился в конце марта 1924 г.

⁴⁴ Публикация главы состоялась в последнем номере «Эпопеи», вышедшем в декабре (1922. № 3), с датировкой: «1917–1922, 17 VII. Breitbrunn am Ammersee».

Великая русская революция 1917 г. <курсив. — Е.О.>

революция, как пробуждение человека в жестоком
дне жизни,

революция, как семенной весенний вихрь,

революция, как суд человека над человеком,

революция, как пожелания человека человеку.

— «Переделать жизнь по-новому!» — вот клич революции.

В эти годы в России возникло много больших мировых задач — ведь, никогда, кажется, так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы.

А красна революция не судом. Красна революция озарением (пафосом) и пожеланиями⁴⁵.

В составе «Временника», напечатанного в «Эпопее», процитированный фрагмент из автобиографии, адресованной новой России (назовем ее «советская»), звучал принципиально иначе благодаря высказанной здесь правде, обесценивающей триумф победителей:

революция — пробуждение человека в

жестоком дне,

революция — суд человека над человеком,

революция — пожелание человека человеку.

Красна она не судом

— *жестокая пора!* —

красна озарением

— семенной весенний вихрь! —

пожеланиями человека человеку.

Взорвать мир! — перестроить жизнь! —

спасти человечество!

Никогда так ярко не горела звезда —

мечта человека

о свободном человеческом царстве

на земле.

Россия в семнадцатый год!

но никогда и нигде на земле

*так жестоко не гремел погром*⁴⁶.

⁴⁵ Россия. 1923. № 6, февр. С. 26.

⁴⁶ Цит. по: Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Мятень. 1.VI — 10.VII.1917 // Эпопея. 1923. № 3, [дек.]. С. 69. См. также гл. «Деревня» в романе «Взвихренная Русь»: Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5. С. 77–78. Курсивом нами отмечены разночтения с редакцией автобиографии, опубликованной в журнале «Россия».

В «советской» автобиографии Ремизов пытался сохранить беспристрастный взгляд на последствия «революционного вихря», по библейскому завету оставив заботу «отмщения» на Божью волю. По возвращении на родину ему предстояло сохранить творческую независимость, и он видел себя в роли хроникера, который, подобно древнерусскому иконописцу, создававшим монументальные фрески человеческого бытия, в словесных символах и образах запечатлевает реалии современности:

Мне пришло на мысль выразить русским голосом <...> голос народов всего мира и, главным образом, народов отверженных, «диких» или затесненных, обиженных, или погибающих или совсем погибших. Вроде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах, «Страшном суде», когда олицетворенные выходят целые страны и народы и говорят о себе...⁴⁷

Свою эмиграцию, которая на самом деле была вынужденным побегом от невыносимых условий жизни и страха перед революционным «судом»⁴⁸, Ремизов стал трактовать как одно из проявлений предначертанной судьбы — временное пристанище скитальца, лишённого родного дома:

Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие выпало мне на долю.

Вместе с тем текст ремизовской автобиографии, адресованной Советам, говорит о попытке адекватной самоидентификации, важной для писателя в тот болезненный период отрыва от земли, с которой он связывал всё свое творчество. Здесь, несмотря на тактическое ослабление темы реалий революционной и постреволюционной жизни, писатель рассказал об итогах своего литературного пути, перечисляя книги, написанные с 1906 г. Не пытался он и перелицевать факты своей биографии так, чтобы они получили признание в Республике рабочих и крестьян. Вместо того чтобы вспомнить увлечение марксизмом, подпольный кружок, организованный в среде пензенских рабочих, и политическую ссылку — словом, те этапы революционной молодости, которые наверняка обеспечили бы ему доверие в глазах пролетарских литераторов и читателей, он упомянул о тюрьме и ссылке в связи с первым циклом

⁴⁷ Россия. 1923. № 6, февр. С. 26.

⁴⁸ Подробнее см.: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–14.

рассказов, написанных в начале литературного пути, предельно кратко: «В книге “Эмалиоль” собраны рассказы из тюремной жизни и ссылки — наблюдения из страннических лет»⁴⁹. Вместо того чтобы замолчать свою родовую принадлежность к господствующему классу, он написал прямо: «Воспитание получил я строго-религиозное», «происхождение мое самое буржуазное: из богатой купеческой семьи и по отцу и по матери»⁵⁰.

Весной 1923 г. на весах выбора оказались две практически равно-весные по тяжести решений проблемы: одна — начать жизнь «с нуля» в эмигрантском Париже, где литературная конкуренция была подогрета серьезными политическими разногласиями⁵¹; другая — адаптация в советской действительности, связанная с объективной зависимостью от идеологии, ставшей репрессивным инструментом власти коммунистов. Решение продолжить путь на Запад было принято, очевидно, в мае. Тогда Ремизов неожиданно вернулся к переработке текста автобиографического очерка, написанного полгода назад для журнала «Россия». Что могло побудить писателя снова заняться своим кратким жизнеописанием, как не желание утвердить себя в той системе координат, в которой ему, несомненно, было трудно существовать с житейской точки зрения, но свободно дышать и писать — без оглядки и внутреннего страха остаться чужим в своей стране. В памяти писателя пронзительно запечатлелась трагическая фраза «любимого писателя» В.В. Розанова, прозвучавшая еще накануне Октябрьского переворота в одном из их последних разговоров: «Мы теперь с тобой не нужны»⁵². Переписка с редакторами советских изданий убедила, что в России ему уготована роль слагателя сказок для безграмотной части населения⁵³. Очевидно, что и прецеденты цензурных запретов в советской печати, с которой он уже столкнулся, послужили катализатором для трезвой оценки условий и возможностей реализации своего творческого потенциала на родине.

Переписанная наново автобиография была завершена 12 мая 1923 г. и направлена в берлинский журнал «Новая русская книга»⁵⁴. Разночтения с «советской» редакцией указывают на представления писателя о степени свободы для художника в двух жизненных пространствах —

⁴⁹ Там же. С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 25, 26.

⁵¹ См., в частности, в нашей статье: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова. С. 31–32, 46.

⁵² Цит. по: *Ремизов А.* Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Орь. 27. II — 1. VI. 1917 // Эпопея. 1922. № 2, [авг.]. С. 102 (глава «Отпуск»). См. также в составе романа «Взвихрённая Русь»: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5. С. 75.

⁵³ См. об отношении к Ремизову официальной советской критики: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова. С. 35–38.

⁵⁴ Публикацию автобиографии по архивным источникам см.: *Русский Берлин.* С. 175–187.

Советской России и Зарубежье. Если в первом случае автобиография была создана по заказу советского издания, то во втором не исключено, что Ремизов сам был инициатором этой несостоявшейся публикации, возможно, подготавливая свое появление на горизонте парижской литературной диаспоры. О созревшем решении писателя жить в эмиграции, несомненно, говорят отсутствующее в «советской» редакции перечисление сложившейся за годы пребывания в Берлине обширной библиографии переводов его произведений на немецкий, французский и чешский языки, а также шутовское упоминание об ассимиляции в чужеродной среде под новыми именами:

Тут же меня и по-другому кличут:

Одни — Remersdorf <...>, другие это те, что меня за китайца признают, те просто — Remiso⁵⁵.

Общий стиль второго очерка дышит раскрепощенной свободой высказываний и любовью к русской литературе, которую писатель воспринимает как большую историю личной жизни. Плавно переходя от «буржуазного происхождения» к источникам литературного генезиса — Достоевскому, Гоголю, Лермонтову и Пушкину, — Ремизов писал:

Жгучую память сохраняю о Достоевском <...> учусь и учился у Гоголя, его глазу, его подвижничеству и терпению <...> люблю Лескова — его «потрясателей основ», «пищепитание» <...> завидна была воздушная проза Пушкина и игольчатая Лермонтова. Но Пушкин — ангел, а Лермонтов — демон, а я не ангел и не демон, я только — «б. канцелярист обезвельволпала»⁵⁶.

Упоминание о «Великой русской революции» в «эмигрантской» автобиографии полностью утрачено, а тема народной мечты о новом мире представлена в духе народно-футуристического романтизма:

эти годы в России возникло много больших мировых (планетарных) задач — ведь никогда так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы.

А мечты были подлинно головокружительные до электрофикации — до электрофикации *ада!*

Электрофицировать преисподнюю, тьму кромешную, вы понимаете?⁵⁷

⁵⁵ Там же. С. 175.

⁵⁶ Там же. С. 180.

⁵⁷ Там же. С. 183–184.

Последняя идея, несомненно, принадлежала Ремизову, который чувствовал необыкновенный размах абсурдизма в революционную эпоху. Нетрудно заметить, что берлинский адресат ремизовского очерка не мог серьезно воспринимать наивный энтузиазм строителя «новой» жизни и, скорее всего, знал о событиях тех лет только по эмигрантским газетам. В мае 1923 г. Ремизов писал для эмиграции, уже безраздельно ассоциируя себя с диаспорой. Здесь впервые он рассказал о тотальном оксюмороне «планетарных» идей и реальности постреволюционного бытия, горько усмехнувшись над ленинским планом ГОЭЛРО:

По Литейному, помню, с Шкловским⁵⁸ шли мы <...> и эта моя мысль электрическая встrepенула его.

— Из-воз-чик!!! — как крикнет он вдруг на весь Литейный, точно автомобильная шина лопнула.

А кони давно пали.

А падлое мясо — синюю конину — давно поели,

А съел кто, давно помер.

А покойников с электрическими лампочками

— Страх заставный! —

Всех переловили.

В последней части «эмигрантской» редакции своего очерка, которая по сравнению с «советской» разрослась с 9 до 12 частей, Ремизов не только подводит итоги творческой биографии по состоянию на 1923 г., как это уже было напечатано в журнале «Россия», но и вносит несколько дополнительных штрихов, актуализирующих невысказанный, но логически напрашивающийся вывод: для страны Советов Ремизов остался писателем «проклятого» прошлого⁵⁹. В подтверждение этой латентно присутствующей в тексте мысли он говорит о себе как о «памятнике», пылящемся в музейных запасниках Москвы:

⁵⁸ Употребление имени В. Шкловского здесь носит знаковый характер как представителя и пропагандиста «левого» искусства, воспринявшего революцию как грандиозный художественный проект. В 1922 г. Шкловский был сотрудником печатного органа международного авангарда «Der Futurismus». См. об этом: *Обатнина Е.* Художник и История, или Как сделан «Памятник погибшим анархистам» // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 208–210.

⁵⁹ Ср. досе, представленное в ГПУ в связи с арестом Замятина в августе 1922 г. и готовящимся планом репрессивных мер: «Замятин Е.И. <...>. Скрытый, заядлый белогвардеец. Выступает в своих произведениях всецело против советской власти. Он в тесной компании с бежавшим Ремизовым. Ремизов — это определенный враг. Замятин — то же самое» (Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2006. С. 488).

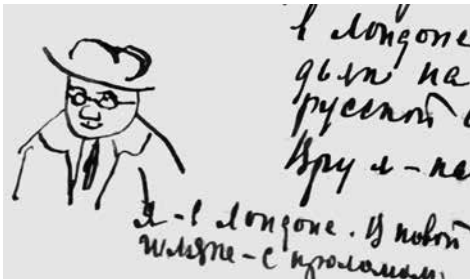
А в России осталось — в Москве в Замоскворечьи в Толмачевском переулке, где я родился, в Третьяковской галерее стоит деревянный истукан работы Анны Семеновы Голубкиной.

Не случайно писатель приводит здесь и донесшуюся из Петрограда весть от друзей, пытавшихся восстановить для него полный комплект его произведений, изданных с 1907 по 1920 г.:

И до чего страх-то бывает велик! — взял один да все и сжег: 36 и 5 — 41 книгу!

В 1923 г. этот курьезный, на первый взгляд, случай «аутадафе» послужил для Ремизова очевидным предостережением об опасности возвращения в Россию. В обеих автобиографиях автор подчеркивал временность его пребывания в Германии. Однако в очерке, оставшемся в редакционном портфеле «Новой русской книги», Ремизов, уже готовясь к отъезду в Париж, писал о чувстве, которое ему подарил «русский Берлин», — будто германская жизнь напоминала ему московскую, особенно по воскресным дням, когда

такой в церквах звон подымается, не знаешь —
ли ты в Москве,
ли ты в Берлине⁶⁰.

Никитин Н.Н. Автопортрет. Рис. (чернила)
из письма Никитина А.М. Ремизову.
Лондон, не позднее 23 мая 1923 г. Amherst.

Через четыре дня после завершения «эмигрантской» автобиографии придет очередное косвенное подтверждение верности выбора пути в Париж. Случилось так, что серапионовец Н. Никитин и близкий к братству Б. Пильняк оказались весной 1923 г. командированы в Лондон. Первое же письмо Никитина с берегов «туманного Альбиона» написано в непривычно встревоженном тоне. Еще недавно он старался внушить Ремизову мысль о скорейшем возвращении в Петроград, считая идеологические установки Центрального Комитета коммунистической партии несуществующими для творчества. Теперь же, отвечая на настоя-

⁶⁰ Русский Берлин. С. 185.

чивые вопросы Ремизова о реалиях советского бытия, «брат-ритор», как прозвали его литературные друзья, вдруг понизил накал советского оптимизма, очевидно, переживая потрясение от контраста цивилизационного уровня жизни в Англии по сравнению с отчизной:

Существовать в России можно. Последнее время меня и Бориса ругают⁶¹, ну да брань на воротах не виснет. Правда, это не хорошо... Поживем — увидим. Главное — это политика⁶². Если это определяет литературу, критики из «Правды», противно. Но довольно об этом. Живу хорошо — вернее, жил⁶³.

В июне в Германию для лечения приехал М.О. Гершензон с женой и дочерью. Остановка в Берлине была связана не только с посещением докторов, но и с желанием увидеться со старыми друзьями, число которых в столице Германии значительно увеличилось с прибытием «философского парохода» летом прошлого года. Встречался он и с Ремизовыми, с которыми был связан многолетними добрыми отношениями⁶⁴. Самой горячей темой бесед стал вопрос об эмиграции.

⁶¹ Подразумеваются критические выпады со стороны Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), направленные на дискриминацию творчества писателей-«попутчиков». В частности, повесть Никитина «Рвотный форт» была аттестована в первом номере журнала «На посту» за 1923 г. как «рвотная порнография» и «контр-революция, допущенная главлитом и напечатанная Госиздатом» (*Волин Б. Клеветники: (Эренбург, Никитин, Брик) // На посту. 1923. № 1. Стлб. 19–24*), а творческий стиль Пильняка в том же номере журнала получил негативную атрибуцию «пильняковщина» (см.: *М.П. Литературная пильняковщина // Там же. С. 150*). Новый «термин» подхватили и другие критики, см., в частности, статью Вад. Смушкова «Пильняковщина: Буржуазное окружение в литературе, или как мы “боремся” на идеологическом фронте» (*Рабочая Москва. 1923. № 48, 3 марта. С. 3*), где словообразование от фамилии писателя использовалось для обобщенного описания творческой деятельности представителей «буржуазной беллетристики».

⁶² Здесь, очевидно, Никитин, подчеркивал принципиальное несогласие с оценками художественных произведений с позиций политической тенденциозности, против которой Никитин выступил вместе со всеми участниками группы «Серапионовы братья» в публичном ответе на статью С. Городецкого «Зелень над плесенью» (Письмо в редакцию (ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому) // *Новая Россия. 1922. № 2. С. 160*). Подробнее см.: Письмо-протест К.А. Федина и Вс.В. Иванова в редакции газет (1922) / Публ. В.В. Перхина // *Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2. СПб., 2006. С. 17–26*.

⁶³ Письма С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А.М. Ремизова: 1920-е гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // *Литературный архив советской эпохи. С. 223*.

⁶⁴ См. публикацию Т.М. Макагоновой переписки Ремизова с Гершензоном (1905–1922) из архива Гершензона в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (Река времен. Кн. 3. С. 156–173), а также: Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона: 1909–1918 / Вступ. статья, публ. и коммент. В. Прокуриной // *Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242; Гершензон М. «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост., коммент. Е.Ю. Литвин; послесл. В.В. Сапова. М., 2016. С. 306–339*.

Ремизов к этому времени уже был убежден, что в России творческая жизнь художника ограничена идеологической цензурой. Характерно, что, не поддавшись на уговоры эмигрировать, в письме к Л.И. Шестову в Париж историк объяснял решение вернуться в Москву, характеризуя эмигрантское бытие своих товарищей короткой формулой: «призрачно, пустынно, одиноко»⁶⁵. В сущности эти три слова емко описывали и состояние Ремизова, который в течение двух лет пребывания за границей испытывал приступы ностальгии и в 1922 г. даже отнес в советское консульство заявление о разрешении вернуться домой.

В конце июля в Берлин из Парижа приехал и сам Лев Шестов, единственный человек, которому Ремизов поверял все свои литературные и житейские дела. Общественный авторитет философа в эмиграции был практически безграничным как среди литераторов всех политических векторов, так и среди бывших финансовых магнатов. Большой круг знакомств связывал его с французской аристократией, а также с богатыми иностранцами, жившими в Париже и в Берлине. Творческие, дружеские и деловые связи философ умудрялся умело использовать во благо бедствующих соотечественников. Ремизов как близкий друг был первым в этом ряду. Благодаря Шестову состоялось его знакомство с известным психоаналитиком Максом Эйтинггоном, особняк которого в престижном берлинском районе Тиргартен был открыт для отдельных представителей русской диаспоры⁶⁶. В один из вечеров, проведенных Ремизовым вместе с Шестовым в гостях у Эйтингона, решился вопрос о практической стороне переезда во Францию. В течение последующих трех месяцев Шестов был занят поиском меценатов, которые обеспечили Ремизову финансовую поддержку и хлопотали о визе. Основными участниками созданного «комитета помощи» Ремизову стали доктор Эйтингон и добродетельная С.Г. Балаховская-Пети, которая в 1920 г. помогла и самому Шестову с семьей получить вид на жительство во Франции⁶⁷.

⁶⁵ М.О. Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Шестова // *Минувшее: Исторический альманах*. М., 1992. [Вып.] 6. С. 288.

⁶⁶ См., в частности, воспоминания Н.М. Чегодаевой-Эйтингон о приеме в богатом берлинском доме, на который также был приглашен Ремизов с супругой. Предположительно хозяином дома был именно Эйтингон и его жена — русская актриса (М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой. С. 249–250). Подробнее о взаимоотношениях супругов Эйтингон с русской диаспорой в Берлине см. в статье В. Хазана «“Благодаря вам отчасти он мог продолжить свою работу до конца”: Лев Шестов и Макс Эйтингон» (Исцеление неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. В. Хазан, Е. Ильина; вступ. статья В. Хазана. М., 2013. С. 15–36).

⁶⁷ См. о ней: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: по переписке и воспоминаниям современников. В 2 т. Paris, 1983. Т. 2. С. 302–303.

В письме от 12 сентября верный друг рассказывал о своей деятельности, набросав план жизни Ремизовых в Париже «на первое время»:

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! <...> вчера был у англичанок. Они обещали всячески помочь, только что смогут они сделать, еще не известно. Они предложили пока 5 фунтов — но я сказал, что лучше они их тебе предоставят, когда ты в Париже будешь. Написал ты письма? По-моему, вот как следует сделать. Нужно попросить доктора, чтобы он дал тебе столько, сколько нужно, чтобы доехать до Парижа. Он много раз говорил мне, что если будет нужда, он тебя поддержит. Затем нужно попросить Софью Григорьевну <Балаховскую-Пети> о визе. Если будет виза и деньги на проезд — поезжайте. Первое время Сер<афима> Павловна, как вы мне говорили, может остановиться у знакомых. А ты, Ал. Мих., можешь 2, 3 недели пожить у Сем<ена> Владимировича <Лурье> (я с ним вчера говорил). Так что не будет затрат на гостиницу. А там — будем хлопотать⁶⁸.

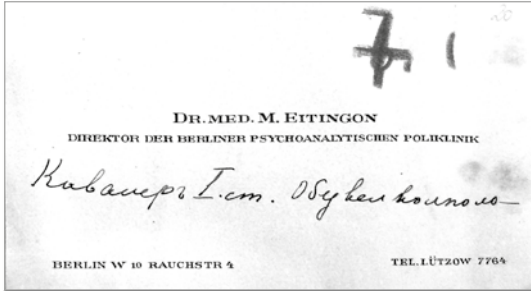
В октябре пришло известие из советского консульства о Постановлении ВЦИК выдать Ремизову вид на жительство в России. Этот документ писатель получил у Полномочного Представителя РСФСР в Германии 29 октября с пометкой о действительности сроком ровно на год (до 29 октября 1924 г.). Разрешение на въезд в Россию, выданное Консульским Отделом Полномочного Представительства, от 1 октября 1923 г. было действительно по 2 декабря 1923 г.⁶⁹ Таким образом, виза обеспечивала лишь временное право на проживание в родной стране и вместе с тем вменяла в обязанность срочно вернуться в Россию, потратив на сборы не более месяца. Такие условия, выдвинутые российской стороной, только укрепили писателя в решении остаться за границей.

По-видимому, Балаховская-Пети подключила к переговорам с французским министерством иностранных дел Н.К. Рериха, который как раз в это время готовился к отъезду в Индию. Именно от художника пришло первое известие о том, что французская граница открыта, но, как выяснилось несколько позже, документы были готовы только для Ремизова. Последний раз давние знакомые обменивались письмами в ноябре 1916 г. и тоже при самых сложных обстоятельствах, когда Ремизов был призван в действующую армию как ратник второго разряда. Неизменно приветливо, как и восемь лет назад, именитый соотечественник сообщил о своей помощи как само собой разумеющемся деле:

⁶⁸ Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 102.

⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 38. Л. 13.

Родной мой Алексей Михайлович, — виза Ваша лежит у французского консула. Взяли ли Вы ее? Будем сердечно Вам рады — повидаваться перед новым путем. Привет Серафиме Павловне. Духом с Вами. К. Рерих⁷⁰.

Визитная карточка Макса Эйтингона. Надпись рукой С.П. Ремизовой-Довгелло: «Кавалер I ст<епени> Обезвволпала». <1923>. Amherst.

Следом было получено сообщение Балаховской-Пети о визе для обоих супругов⁷¹.

Так Ремизовы присоединились ко второй «берлинской волне» эмигрантов, населивших Париж⁷². Еще не найдя постоянного места жительства, писатель известил «ключаря» Обезвволпала Осипова:

Дорогой Сергей Яковлевич!
Потихонечку, но без приключений добрались до Парижа⁷³.

Алексей Ремизов.
Впишите: Николай Константинович Рерих кавалер >обезъяньего> знака I ст<епени> со львиной лапой и посол Индии⁷⁴.

Макс Эйтингон также стал кавалером обезьяньего знака I степени⁷⁵, но оценил ли он возложенные на него обязательства члена Обезвволпала, мы не знаем.

⁷⁰ Amherst. Series 1. B. 2. F. 5. P. 209.

⁷¹ Amherst. Series 1. B. 3. F. 5. P. 1.

⁷² См. ремизовские наблюдения о разнице между первой и второй «берлинскими» волнами, наводнившими Париж, в романе «Мышкина дудочка» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10. С. 136).

⁷³ Ремизовы прибыли в Париж 7 ноября 1923 г.

⁷⁴ «В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 259. О творческих контактах Ремизова и Рериха, познакомившихся 11 октября 1905 г. через Г. Чулкова, см.: Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7. М., 2002. С. 49; Дубнова Е.Я. А.М. Ремизов в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1992. М., 1993. С. 97–100; Рерих Н.К. Письмо к А.М. Ремизову / Вступ. заметка, публ. и коммент. С.С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 196–199. Очевидно, что Рерих удостоился обезьяньего титула за организацию визы для переезда Ремизовых из Берлина в Париж.

⁷⁵ Титул кавалера обезьяньего знака I степени зафиксирован рукой С.П. Ремизовой-Довгелло на визитной карточке доктора (Dr. Med. M. Eitingon / Director der Berliner Psychoanalytischen Poliklinik / Berlin W 10 / Rauchstr 4 / Tel LÜTZOW 7764) (Amherst. Series 1. B. 20. F. 5).

Литература

Азадовский К.М., Лавров А.В. Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями // Русская литература. 1978. № 4. С. 146–151.

Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2006. С. 369–405.

«В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 218–265.

Дувакин В.Д. Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / Подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М.: Common place; Устная история, 2018. 226 с.

Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 704 с.

М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой / Публ. М. Чегодаевой // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 240–256.

Обатнина Е. Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319.

Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–45.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 158–197.

Пильняк Б.А. Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 568, 672 с.

Письма С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А.М. Ремизова: 1920-е гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературный архив советской эпохи: Сб. статей и публ. / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). СПб.: Росток, 2018. С. 193–237.

Поляков Ф. Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 236–265.

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с.

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, [1983]. 422 p.

References

- Azadovskii K.M., Lavrov A.V. Novoe o vstrechakh Tomasa Manna s russkimi pisateliami [New facts on Thomas Mann's meetings with Russian writers]. *Russkaia literatura*, 1978, no 4, pp. 146–151. (In Russ.)
- Bocharova Z.S. Uregulirovanie prav rossiiskikh bezhentsev v Germanii v 1920–1930-e gg. [Adjustment of the rights of Russian emigrants in Germany in 1920–1930s]. *Russkii Berlin: 1920–1945. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Berlin: 1920–1945. Proc. Int. Sci. Conf.]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, pp. 369–405.
- Duvakin V.D. *Besedy s Evgeniei Lang. Vospominaniia o Maiakovskom i futuristakh* [Conversations with Eugenia Lang. Memories about Mayakovsky and Futurists], ed. by O.V. Zhigulina, S.G. Petrov, M.V. Radzishhevskaya, V.F. Teider, comment. by V.V. Radzishhevsky. Moscow, Common place Publ., Ustnaya istoriya Publ., 2018. 226 p. (In Russ.)
- Fleishman L., Hughes R., Raevsky-Hughes O. *Russkii Berlin, 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute* [Russian Berlin, 1921–1923: Based on B.I. Nikolayevsky archives in the Hoover Institution]. Paris, YMCA-Press, 1983. 422 p. (In Russ.)
- Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-h godov. T. 1. Ch. 2: Moskva i Petrograd 1921–1922 gg.* [Literary life in Russia of the 1920s. Vol. 1. Part 2: Moscow and Petrograd in 1921–1922], ed. by A.Yu. Galushkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2006. 704 p. (In Russ.)
- M.O. Gershenzon v Berline. Iz vospominanii N.M. Gershenzon-Chegodaevoi [M.O. Gershenzon in Berlin. From N.M. Gershenzon-Chegodaeva's memoirs], publ. by M. Chegodaeva. *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ya* [Jews in the Russian émigré culture], publ. and comp. by M. Parkhomovskii. Vol. 3. Jerusalem, 1994, pp. 240–256. (In Russ.)
- Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gg. [Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 7, pp. 8–45. (In Russ.)
- Obatnina E. Variatsii pamiati (Tvorcheskaia istoriia “Kukkhi” i drugikh memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) [Variations of memory (Creative history of “Kukkha” and other Remizov's memorial records about Rozanov)]. Remizov A.M. *Kukkha. Rozanovy pis'ma* [Kukkha. Rozanov's letters], ed. by E. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)
- Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov], intro., ed. and comment. by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, 1993, no. 1, pp. 170–181; no. 3, pp. 158–197. (In Russ.)
- Pil'niak B.A. *Pis'ma: V 2 t.* [Letters, in 2 vols.], publ., intro. and comment. by K.B. Andronikashvili-Pil'nyak and D. Kassek. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2010. 568, 672 pp.
- Pis'ma S.N. Sergeeva-Censkogo i N.N. Nikitina v emigrantskom arhive A.M. Remizova: 1920-e gg. [Letters by S.N. Sergeev-Censkii and N.N. Nikitin at A.M. Remisov's emigration archive] intro, ed., komment. E.R. Obatninoi // *Literaturnyi arhiv sovetskoi epohi: Sb. statei i publ.* / IRLI RAN (Pushkinskii Dom). St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, pp.193–237. (In Russ.)

Polyakov F. Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaya Zaretskogo [Nikolay Zaretsky's autobiographical letters]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2018, vol. 6, s. 236–265. (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 5: Vzvikhrennaia Rus'* [Collected works. Vol. 5: Russia Swirled Up]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 688 p. (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 10: Peterburgskii buerak* [Collected works. Vol. 10: Petersburg Gully]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2003. 592 s. (In Russ.)

“V Rossii, kak vstretimsia, budem vspominat”. I. Perepiska A.M. Remizova s S.Ia. Osipovym (1913–1923). II. Pis'mo V.Ia. Shishkova k A.M. Remizovu (1921) [“In Russia, as we meet, we will remember”. I. A.M. Remizov's correspondence with S.Y. Osipov (1913–1923). II. V.Y. Shishkov's letter to A.M. Remizov (1921)], publ., intro. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2001]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 218–265. (In Russ.)

Studies on A.M. Remizov's creative biography: “...either to Russia, or to Paris...” 1923

© 2019, Elena Obatnina

Abstract: The article presents a fragment of Alexey Remizov's biography, dedicated to the period of his life in Berlin. Based on rare archival documents and memoirs of contemporaries related to 1923, a complete picture of the writer's life and works at one of the turning points of his life is created. The article forms a historical and literary context to the chapter from Remizov's manuscript “At the Evening Dawn”, 1923.

Keywords: creative biography, epistolary heritage, archival materials, émigré culture and literature.

Information about the author: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Citation: Obatnina Elena. Studies on A.M. Remizov's creative biography: “...either to Russia, or to Paris...” 1923. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 8–35. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-8-35.